

- ²⁰ **Силантьева П. Ф.** Терракоты Пантикапея.— САИ, 1974, вып. Г1—11, с. 33, табл. 40, 4.
- ²¹ Многофигурная композиция являлась украшением большого деревянного саркофага IV в. до н. э. из Танагры.— **Бритова Н. Н.** Греческая терракота, рис. 88.
- ²² **Кобылина М. М.** Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, с. 142—143.
- ²³ **Скуднова В. М., Славин Л. М., Клейман И. Б.** Описание терракот..., с. 52, табл. 31 (V в. до н. э.).
- ²⁴ **Марченко И. Д.** Марнетки и культовые статуэтки Пантикапея.— САИ, 1974, вып. Г1—11, с. 38, 40.
- ²⁵ **Белов Г. Д.** Терракоты Херсонеса, табл. 13, 4—4а.
- ²⁶ **Леви Е. И.** Терракоты ольвийского Тименоса.— САИ, 1970, вып. Г1—11, с. 11—12, табл. 21.
- ²⁷ **Денисова В. И.** Коропластика Боспора, табл. 15.
- ²⁸ Там же, с. 58.
- ²⁹ Круглый алтарик с рельефными украшениями был найден в 1960 г. на ольвийской агоре, датируется III в. до н. э.— См.: **Леви Е. И., Славин Л. М.** Описание терракот ольвийской агоры.— САИ, 1970, вып. Г1—11, с. 42, табл. 14, 5.
- ³⁰ **Канараке В.** Танагрские маски и статуэтки из мастерских Калатиса — Мангалия. Бухарест, 1969, с. 15.
- ³¹ **Наливкина М. А.** Статуэтки из Керкинитиды.— САИ, 1970, вып. Г1—11, табл. 5, 3; **Клейман И. Б.** Статуэтки из Тиры.— САИ, 1970, вып. Г1—11, табл. 3, 8 (III в. до н. э.).
- ³² **Денисова В. И.** Коропластика Боспора, табл. 11з (вторая половина IV в. до н. э.).
- ³³ **Силантьева П. Ф.** Терракоты Пантикапея.— САИ, 1974, вып. Г1—11, с. 25, табл. 21. Здесь же изображена полуобнаженная женщина, играющая на тригоне — II—I вв. до н. э.
- ³⁴ **Winter Fr.** Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin — Stuttgart, 1903, Bd. 1, Taf. 3, 8; **Клейман И. Б.** Статуэтки из Тиры.— САИ, 1970, вып. Г1—11, табл. 3, 8.
- ³⁵ **Kleiner G.** Tanagrafiguren. Untersuchungen zur hellenistischen Kunst und Geschichte.— JDI, 1942, N 15, Taf. 46.
- ³⁶ **Скуднова В. М., Славин Л. М., Клейман И. Б.** Описание терракот..., с. 55, табл. 36, 3.
- ³⁷ **Силантьева П. Ф.** Терракотовые статуэтки. Пантикапей.— САИ, 1974, вып. Г1—11, табл. 33, 5.

В. Е. РУДАКОВ

Уральский университет

ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАКЛЫ. ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС X—XIII ВВ.

Общеизвестно, что христианская церковь в средние века выполняла идеологическую функцию. Византийское правительство, главным идеологом которого была православная церковь, уже на ранних этапах своего развития использовало христианскую религию не только как идеологическое обоснование своего господства, но и как определенную политическую силу, отражающую глубину проникновения своего влияния, особенно в неустойчивых пограничных областях. Здесь проникновение христи-

анства в глубь территории может означать не только процесс углубления социально-классовых отношений, когда христианство становится необходимым идеологическим обоснованием формирующейся местной феодальной прослойки, но и, в какой-то мере, процесс прямого или косвенного влияния Византийской империи, а зачастую и подчинения ей — политического, экономического, культурного — этих регионов. Это относится и к Северопрichernоморской зоне влияния Византии, в особенности к Крыму и его юго-западному подрегиону. Наиболее четким выражением проникновения христианства являются остатки христианских храмов, распространение которых по территории и их датировка при очень незначительном количестве письменных данных помогают осветить этот процесс.

Необходимо отметить, что при изучении христианских храмов исследователи встречаются с целым рядом зачастую непреодолимых трудностей: во-первых, значительная часть храмовых комплексов (преимущественно Херсонеса) изучалась в дореволюционный период при весьма несовершенной методике раскопок и отсутствии в большинстве случаев полевой документации, что, в свою очередь, приводило к схематическому их описанию¹. Во-вторых, подавляющее большинство памятников дошло до нас в значительно разрушенном состоянии. Чаще всего сохраняются, да и то не полностью, только фундаменты зданий, что затрудняет их архитектурную интерпретацию, а следовательно, и датировку. В-третьих, не все подрегионы Крыма (в том числе и юго-западного) изучены с достаточной полнотой, поэтому в значительной степени сужается источниковая база по проблемам христианизации Крыма², а известные христианские комплексы не всегда археологически полностью изучены и введены в научный оборот³. В-четвертых, полученный при раскопках археологический материал, как правило, дает только относительную датировку. Надписи, которые бы позволили ее уточнить, в Крыму крайне немногочисленны, а для памятников Юго-Западного Крыма почти отсутствуют. Могильный инвентарь при храмовых некрополях после IX—X вв. практически исчезает, а хронология обнаруживаемых личных вещей из-за малочисленности пока не разработана. Однако, несмотря на эти трудности, изучение каждого нового памятника углубляет наше понимание общих проблем христианизации Крыма и степень влияния Византии в данном регионе.

В исторической литературе, посвященной христианизации Крыма, можно выделить две крупные и остающиеся пока до конца неразрешенными проблемы: пути проникновения христианства в Крым и период его утверждения, т. е., когда христианство пускает прочные корни на крымской земле, и распространение христианства по всей земледельческой территории Крыма. С последней тесно связаны два вопроса: 1) формирование и развитие епархий в Крыму; 2) местоположение Фулль-

ской епархии. Анализ имеющихся источников и существующих в литературе точек зрения по первой проблеме⁴ позволяет предполагать следующее: христианство проникает в Крым через опорные пункты Римской империи — Боспор и Херсонес. К IV в. создается две епархии — Боспорская⁵ и Херсонесская⁶ и начинается строительство фундаментальных культовых сооружений — базилик⁷. Процесс же христианизации большинства населения Херсонеса, не прекращавшего связей с Римско-Византийской империей, продолжается и в более позднее время⁸.

Проникновение христианства в глубь территории Крыма охватывает и еще больший временной отрезок. Наиболее точные сведения, подтверждающие относительно глубокое проникновение христианства за пределы Римско-Византийских опорных пунктов — Боспора и Херсонеса, дают списки епархий⁹. Правда, они не раскрывают историю их появления и развития, которую исследователи пытаются проследить, привлекая данные других источников. В целом этот процесс, вероятно, завершается к VIII — первой половине IX в. и логическим концом его является формирование на полуострове к X в. пяти самостоятельных епархий. Четыре из них — Боспорская, Херсонесская, Сугдейская¹⁰ и Готская — локализуются более или менее четко. (Некоторые разночтения вызывает локализация Готской епархии, так как она названа не по имени города, а заключает в себе этноним «готы». Однако большинство исследователей сходится на том, что она включала в себя территорию Юго-Западного Крыма, гранича на юге с Херсонесской епархией, ей же принадлежала часть южного берега Крыма до границ с Сугдейской епархией; на севере ее граница проходила по р. Каче¹¹.) Наиболее спорным и до сих пор неразрешенным остается вопрос о локализации Фульской епархии и, соответственно, населенного пункта под этим названием, известного по письменным источникам¹².

В свое время А. Л. Бертье-Делагард насчитал 15 различных точек зрения по локализации этого поселения¹³. Большинство предположений сводится к двум подрегионам средневековой Таврики. Согласно одному из них, Фуллы находились в восточном Крыму¹⁴, а другому — в юго-западном¹⁵. А. Л. Бертье-Делагард, а вслед за ним и А. Л. Якобсон, на основе углубленного анализа письменных источников, крымской топографии и топонимики, а также археологического материала опровергают восточнокрымский вариант локализации Фулл и, на наш взгляд, довольно убедительно, помещают их в северной части Юго-Западного Крыма (севернее р. Качи). А. Л. Якобсон помещает Фуллы на Чуфут-Кале¹⁶, в то время как Е. В. Веймарн, длительное время занимавшийся изучением этого памятника и единственный из исследователей проводивший там археологические изыскания, утверждает, что Чуфут-Кале не может отождествляться с раннесредневековым городом Фуллы и помещает их на городище Кыз-Кермен¹⁷. Последнее не подтверждается дан-

ными археологических изысканий А. Л. Якобсона на этом памятнике¹⁸.

Таким образом, вопрос о более точном соотношении Фулл с известными на сегодняшний день археологическими памятниками северной части Юго-Западного Крыма остается открытым. Необходимы новые археологические изыскания на всех известных памятниках, но наиболее желательное нахождение подтверждающей надписи, что этот памятник и является искомыми Фуллами. Однако, на наш взгляд, район поисков должен быть ограничен территорией севернее р. Качи, как это доказано А. Л. Бертье-Делагардом. Одним из памятников, расположенных в этом регионе, является Баклинское городище, к характеристике христианских памятников которого мы и переходим.

Изучение Баклинского городища и его ближайших окрестностей как преимущественно визуальных (до 1961 г.), так и при помощи археологических раскопок (с 1961 г.)¹⁹, позволило выделить 8 христианских сооружений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. К сожалению, незначительная площадь, раскопанная на памятнике, не позволила к настоящему времени с абсолютной точностью выделить центральный храм на территории самого городища, исследование которого позволило бы с большей уверенностью говорить о процессах христианизации в этом районе, ибо центральному христианскому сооружению всегда уделялось больше внимания. Оно и в архитектурно-конструктивном отношении должно быть ведущим, и в идеологическом отношении несло большую смысловую нагрузку. Известные в настоящее время на Бакле христианские памятники несут характер в какой-то степени местного значения и выполняли свою специфическую роль. Они подразделяются на вырубленные в известковой толще пещерные церкви и наземные христианские сооружения.

Первая группа памятников — пещерные церкви — известна, преимущественно, по описаниям путешественников. Так, наиболее ранние из них, С. Богуш-Сестренцевич и П. Кеппен, упоминают о пещерной церкви, местоположение которой остается не совсем ясным. С. Богуш-Сестренцевич пишет: «Множество келей находится на южной стороне горы Биака-Кобы (т. е. Баклы, как верно, на наш взгляд, определил Е. Л. Марков), лежащей близ реки Альмы, в левой стороне от дороги из Симферополя в Бахчисарай. Огромная скала, по близости сих мест находящаяся, выделана так же внутри таким образом, что можно жить в ней. В самом деле кажется, что эти убежища сделаны греческими монахами, упражнявшимися в выкапывании для себя монастырей, как то доказывает ныне Печерский монастырь в Киеве, греческие надписи, различные убранства святых сею церковью принятых, которые рука времени не изгладила еще на некоторых стенах пещерных, подтвердили в глазах моих сию»²⁰. П. Кеппен подтверждает это описание: «Менее получаса пути

от Бодрака на северо-запад через реку находится г. Бакла, на скалистой ее вершине много пещер, между ними есть одна, служившая, как говорят, церковью»²¹. Однако в конце XIX в. А. И. Маркевич и Е. Л. Марков этой церкви уже не видели²². Другая пещерная церковь вырублена в отдельном выступе скалы, находящемся в западной части пещерного поселения в верхнем ярусе, почти на уровне гребня. Она сохранилась и поныне, но археологически не изучена. Описание ее дано А. И. Маркевичем, И. М. Волошиновым и Н. Н. Клепниным²³.

Другим типом христианских памятников были наземные сооружения. Как уже нами не раз отмечалось, большинство сохранившихся на Бакле строительных остатков задернованы настолько, что на современной дневной поверхности следов их существования не прослеживается. Не все выявленные археологические памятники, в том числе и храмы, изучены полностью, а потому о некоторых из них можно говорить только предположительно.

Так, на второй террасе, расположенной ниже террасы с пещерной церковью, по краю площадки выявлены вырубленные в толще скалы пещерного типа склепы²⁴. Заложённые рядом со склепами разведочные шурфы показали, что, вероятно, в IX—XI вв., а может быть и позднее, на этом месте находился некрополь с погребениями в плитовых могилах. Здесь же было обнаружено большое количество черепицы, преимущественно керамид, с одинаковыми метками²⁵, что является характерным (а для Баклы особенно²⁶) сопровождением культовых сооружений. Все это позволяет предположить здесь наличие наземной церкви. Возможно, этот комплекс и является остатками монастыря, о котором упоминал Е. В. Веймарн²⁷.

Другим подобного рода памятником является частично раскопанное Д. Л. Талисом большое общественное здание на посаде в 12 м от оборонительной стены²⁸. О принадлежности его к культовым сооружениям свидетельствует огромное количество черепицы²⁹ и несколько необычная для Баклы кладка стен, выполненная из больших штучных камней (0,60×0,40×0,30; 0,70×0,30×0,30; 0,70×0,45×0,30 м; и т. д.) в трехслойной двуллицевой технике кладки с применением известкового раствора. По мнению Д. Л. Талиса, здание было построено в VIII в. и погибло в пожаре не позднее X в.³⁰, в последующий период на этом месте (судя по стратиграфии) никакой застройки не было. Однако наше исследование участка, расположенного в 20—30 м к северо-востоку от раскопа Д. Л. Талиса, показало, что в X в. на посаде идет интенсивное строительство. Возводятся многокамерные усадьбы, разделенные узкими проулками. Наиболее поздний период строительства на посаде относится к XII в., когда и без того тесная застройка еще более уплотняется за счет превращения части проулков и открытых двороков в замкнутые жилые и хозяйственные помещения. Все это не позволяет согласиться с наличием незастроенного рядом участка

и дает возможность предполагать, что гибель храма происходит одновременно с гибелью посады во второй половине XIII в.

Еще одним культовым сооружением, выявленным на плато Баклы, является храм-часовня с очень небольшим плитовым и грунтовым могильником³¹, входящий в комплекс жилых и хозяйственных сооружений, принадлежащих владельцам цитадели³². Автором раскопок Д. Л. Талисом выделены два строительных периода этой часовни: VIII—IX и X—XI вв.; гибель ее приходится на XII—XIII вв. Здесь мы имеем довольно уникальное для Крыма явление — домашняя церковь-часовня, непосредственно входящая в комплекс жилых и хозяйственных сооружений. Владетели крепости оказываются настолько глубокими приверженцами христианства, что в VIII—IX вв. строят домашнюю церковь-часовню. Их последователи до XIII в. свято соблюдают эту традицию, а наиболее почитаемых членов семейства по христианскому обычаю погребают либо внутри, либо рядом с этим семейным храмом несмотря на то, что часовня находится в центре густой застройки цитадели.

Еще три храма были выявлены в долине, расположенной в 600 м к югу от г. Бакла, в 310—370 м от функционирующего в настоящее время источника. Один из них — храм VIII—IX вв.³³ — представлял собой однефное сооружение с притвором и плитовыми могилами, к которому примыкал некрополь плитовый и грунтовый. Храм был построен над склепом первых веков нашей эры³⁴. Это культовое сооружение довольно хорошо датируется по погребальному инвентарю, обнаруженному в плитовых могилах: бронзовой литой подвеске типа «самоварчик», бронзовому полому бубенчику-луговице, серебряному перстню со стеклянной вставкой, золотыми проволочными сережками с напаянными в виде грозди винограда шариками³⁵ и двуручному кувшинчику, аналогичному найденному В. В. Кропоткиным в склепе под Чуфут-Кале³⁶.

Два других храма расположены в 50—60 м к северу от первого. Здесь на небольшой возвышенности в 1978—1980 гг. была выявлена следующая картина: первоначально был построен трехнефный крестообразный храм со склепом, расположенным под наосом³⁷. Несколько позднее в центральный неф был вписан одноапсидный храм, причем склеп продолжал функционировать. Суммарная датировка обоих храмов — X—XIII вв. Территория, примыкающая к храмам, была занята некрополем (рис. 1).

Крестообразный и одноапсидный храмы

Первоначальный храм (рис. 2) в плане представляет крест с удлиненным наосом и более короткими южным и северным нефами. Южный неф еще не раскопан, но о его наличии говорят стены Г и Д³⁸, отходящие от наоса в южном направлении и

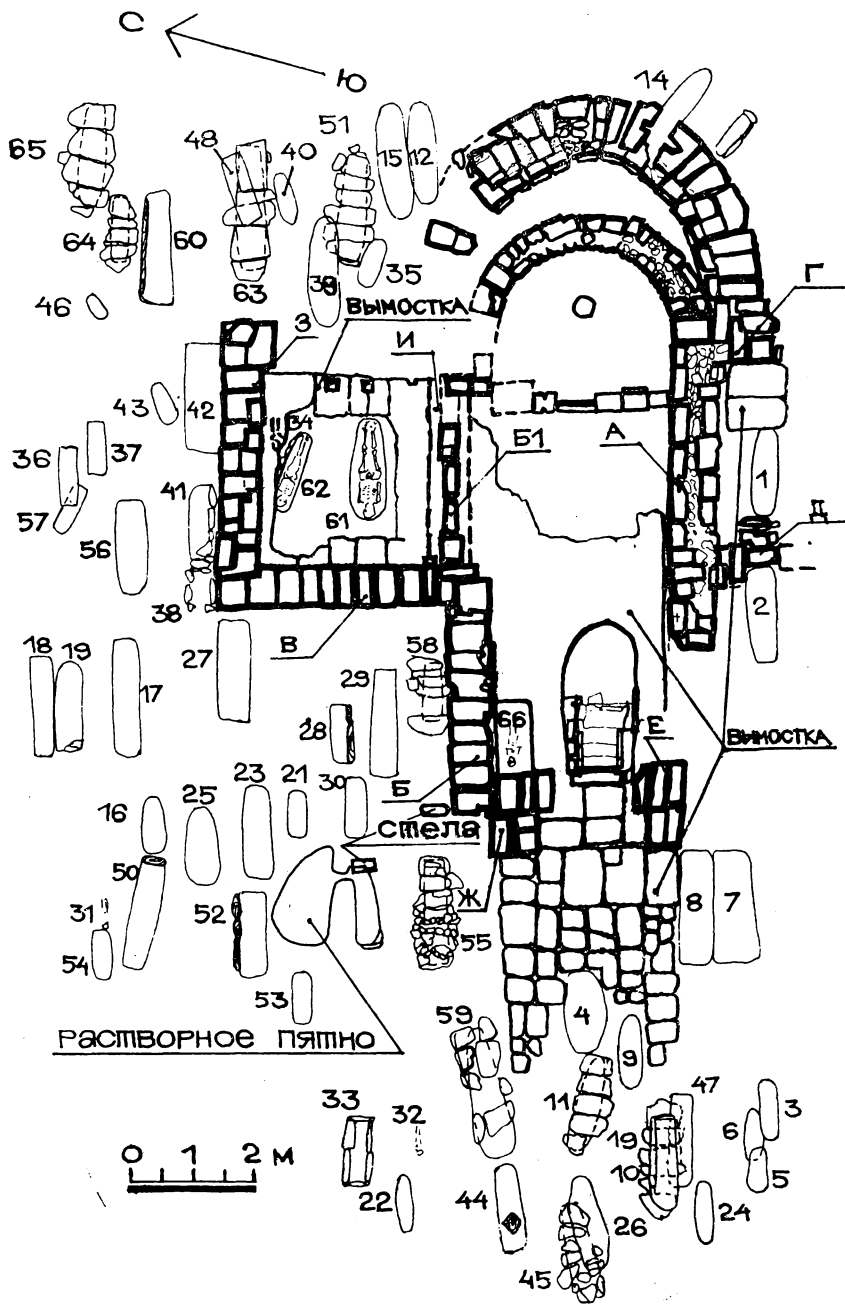

Рис. 1. План храмов и некрополя

позволяющие представить конструкцию храма в целом. Перед началом строительства небольшая возвышенность, на которой возводили храм, была снивелирована. Юго-восточная часть ее

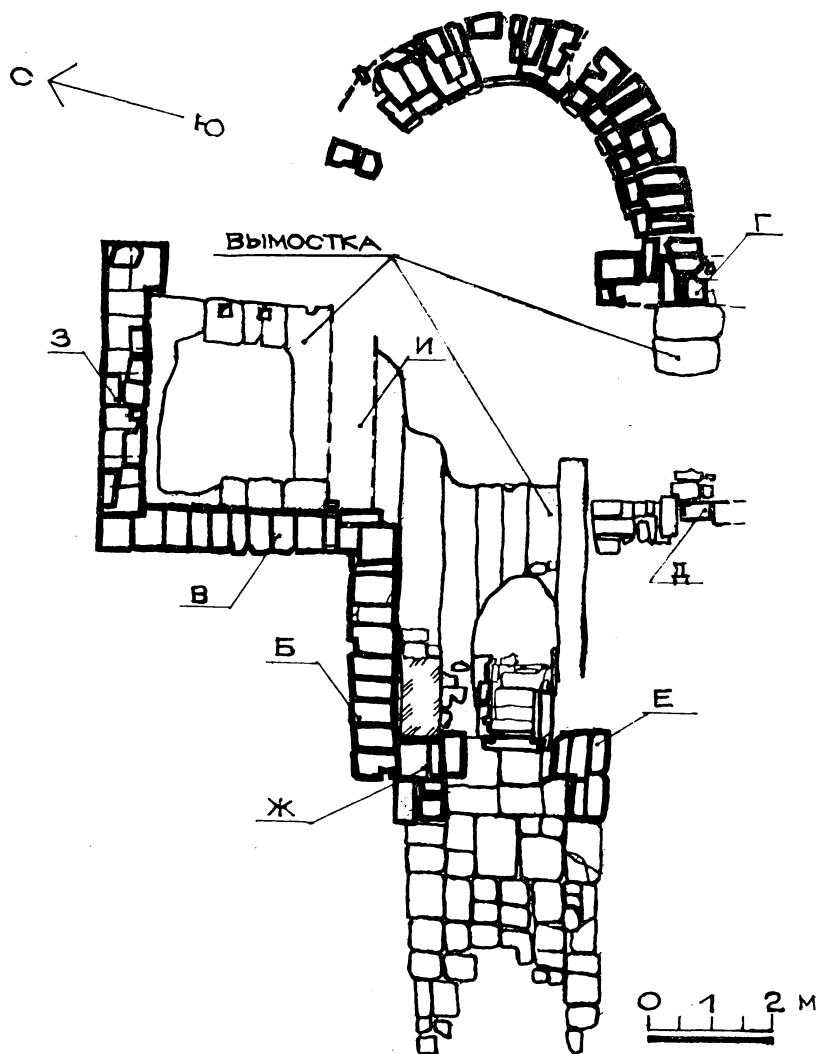

Рис. 2. План крестообразного храма

была вертикально срезана, а более пологая западная часть присыпана слоем грунта, вынутаго при строительстве склепа.

Наос (11,65×4,10 м) в восточной части ограничен округлой

апсидой не совсем правильных в плане очертаний (4×3 м). Северного окончания апсиды не сохранилось, и только в 50—75 см к западу от ее обрыва прослежен еще один отдельно лежащий блок (0,80×0,40×0,40 м), как бы продолжающий направление апсиды. Южное окончание апсиды выполнено вперевязь со стеной Г. Апсида, как и фундаменты всех стен храма, выполнена в исодомной однослойной технике кладки постелисто-тычковой системы из плотно подогнанных блоков бодракского известняка. Связующего раствора не прослежено. Общая ширина апсиды 1 м, сохранившаяся высота 0,8 м (три ряда кладки). По нижнему ряду блоков (0,75×0,4×0,3 м) на высоте 0,2 м от нижнего края прослежена подрубка 0,1×0,07 м, образующая небольшую ступеньку. Второй ряд кладки таких же размеров отступает на 0,25 м от нижнего ряда и образует еще одну ступеньку, причем для укладки этого ряда в обресе возвышенности был сделан уступ на величину выступающей части кладки. От третьего ряда кладки сохранилось только 4 блока (0,35×0,37×0,27—0,2 м). С внешней стороны второй и третий ряды образуют единую вертикаль. Блоки третьего ряда кладки отступают на 0,35 м от внутреннего края второго ряда, образуя еще одну ступеньку. Таким образом, перед нами четко выраженный синтрон. На второй и третьей ступеньках синтрона севернее центральной оси храма сохранились остатки каменной выкладки (на известковом растворе) для установки престола. В юго-восточной части второго ряда кладки прослежены противоположащие пазы (0,09×0,18×0,08; 0,08×0,12×0,08 м) для установки оконной рамы шириной 0,38—0,4 м.

Между наосом и южным нефом, т. е. между стенами Г и Д, сплошной стены, вероятно, не существовало. Юго-западный угол остается пока не ясным, так как никаких ранних строительных остатков между стенами Д и Е выявить не удалось. С западной стороны (наос ограничен стенами Е и Ж, длина которых соответственно 0,90 и 1,05 м при ширине 0,8 м) находился вход в храм. Он обрамлялся пилонами, фундамент которых выполнен в той же технике кладки, что и стены храма. Входное сооружение перекрывалось арочным сводом, причем наружная его часть была, очевидно, выполнена из плинфы, в большом количестве найденной перед входом, а внутренняя — из клинчатых камней, на которые была нанесена полихромная фреска, изображающая каких-то святых³⁹. Вход в храм был украшен колоннами. От них сохранились две базы (рис. 3-21, 22), фрагменты капители и фриза с растительным орнаментом⁴⁰ X—XI вв. (рис. 4). Перед входом в храм на участке 3×4,5 м прослежена вымостка из известняковых плит толщиной 0,04—0,09 м. Стена Б шириной 0,7—0,75 м сохранилась в один ряд кладки. Длина ее от западного угла до сочленения со стенами В и И составляет 4,15 м. Стена И, о которой можно судить только по сохранившейся постели, в месте сочленения со стенами Б и В отступает от линии

стены Б на 0,37 м к северу. Ширина стены 0,6 м, прослеженная длина — 3,28 м.

Северный неф, имевший внутренние размеры 3,25×2,77 м, ограничен с юга, запада и севера сложенными вперевязь стенами И, В и З. Стена В сохранилась в один ряд кладки шириной 0,75 м и длиной 3,32 м. С наружной стороны на блоках, составляющих стену, прослежена тщательная подтепка по уровню древней дневной поверхности. Стена З сохранилась в два ряда кладки высотой до 0,55 м от уровня пола в нефу. Ширина стены

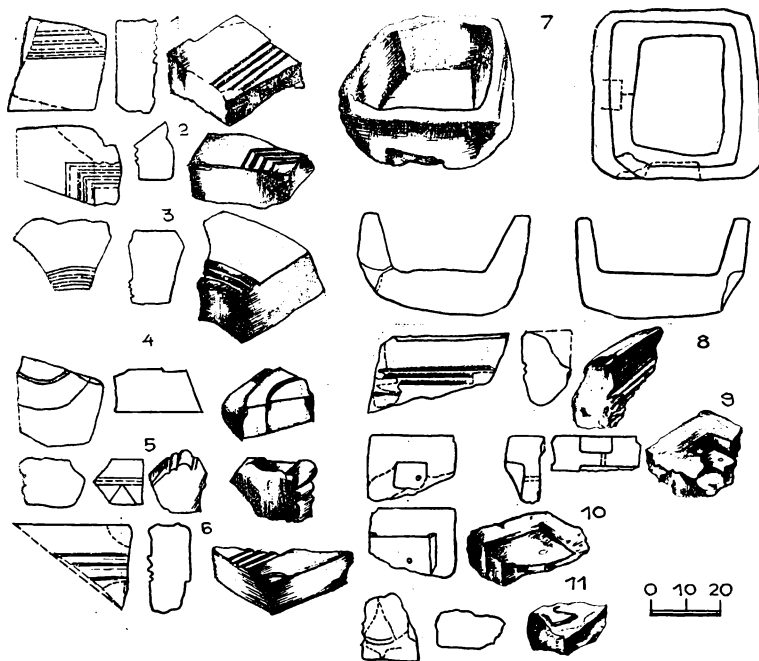

Рис. 3. Фрагменты архитектурных деталей

0,9—0,925 м, длина 4,9 м. На внешней стороне стены прослежена подтепка аналогичная подтепке на стене З. Фундамент восточного торца стены выложен несколько иначе, чем всех стен — в двухслойной, двухлицевой постелисто-ложковой технике кладки. Внешняя сторона его продолжает общее направление стены З, а внутренняя, образуя пятнадцатисантиметровое плечо во-внутрь нефа, несколько закруглена. По-видимому, именно здесь сохранились в целом непрослеженные остатки северной апсиды. Проход в северный неф, возможно, находился между стеной И и северным торцом центральной апсиды. Стены внутри северного нефа были оштукатурены (толщина штукатурки 1,5—

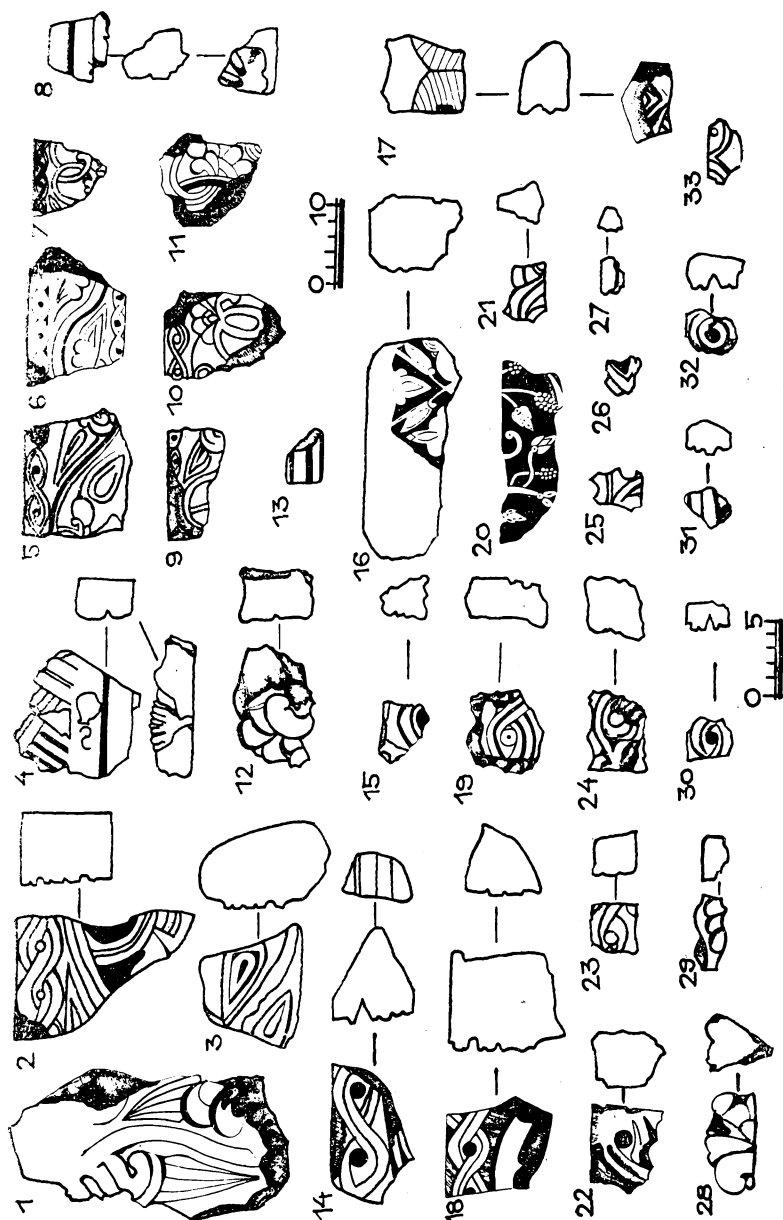

Рис. 4. Фрагменты архитектурных деталей

2 см) и, вероятно, расписаны фреской, от которой сохранились мелкие фрагменты синего, красного и зеленого цветов. Пол в нефе, как и в наосе, был выложен известняковыми плитами. Остатки вымостки сохранились по всему периметру нефа. В центре вымостка была нарушена поздними погребениями № 61, 62. У восточного края вымостки, в 1,07 м от стены З, прослежены два квадратных отверстия: $0,17 \times 0,15$ и $0,14 \times 0,14$ м, прорезанные на всю толщину плит ($0,12-0,15$ м). Эти отверстия, очевидно, служили для установки опорных столбов иконостаса. Таким образом, перед нами типичная трехнефная крестообразная христианская постройка, характерная для XI—XII вв.⁴¹

Однако в таком виде храм просуществовал относительно недолго. Вероятно, выполнив свою социальную роль, большой храм вне городища оказался ненужным, и на месте наоса возводится однефная церковь обычного для позднесредневекового Крыма типа (рис. 5)⁴². Причем, ранний храм не погибает (по крайней мере следов пожара в северном нефе обнаружено не было), а, скорее всего, ставшие ненужными отдельные его конструкции разбираются и используются при строительстве новой церкви. В пользу естественной перестройки говорит и сохранение отдельных конструктивных особенностей раннего храма. В первую очередь речь идет о полном сохранении всей конструкции входа в храм. Значительные элементы ее (капители, колонны, базы, карнизы и особенно фриз) были сделаны из мягких и довольно хрупких пород известняка. После окончательной гибели храма в пожаре они разбились на такие мелкие фрагменты, что реконструкция их довольно затруднительна. Кроме конструкции входа вместе со стенами Е и Ж при сооружении нового храма была полностью использована и стена Б. Заново были построены стены Б-1 и А и новая апсида. Внутренние размеры вновь образовавшегося помещения — $8,8 \times 3$ м. Апсида диаметром 3 м сложена из разномерных штучных камней, зачастую вторичного использования: в юго-восточной части кладки выявлен фрагмент карниза ($0,37 \times 0,14$ м) с зигзагообразным орнаментом. Сохранившаяся высота апсиды до 0,90 м. Техника кладки — трехслойная двухлицевая постелисто-ложковой системы на известковом растворе без четко выраженных рядов кладки. Этот же известковый раствор использовался для оштукатуривания внутренней и внешней поверхности апсиды. С южной стороны апсиды пристроена к стене А, северная часть ее не сохранилась, однако следы раствора на древней дневной поверхности позволяют частично проследить ее примыкание к стене Б-1. С запада алтарная часть отделена от наоса алтарной преградой, выполненной из крупных блоков вторичного использования, поставленных в один ряд. Интересно отметить, что единая горизонтальность выводилась только на обращенной внутрь храма стороне, неровности блоков на обращенной к апсиде стороне не выравнялись даже грубой подтеской. В центре алтарной

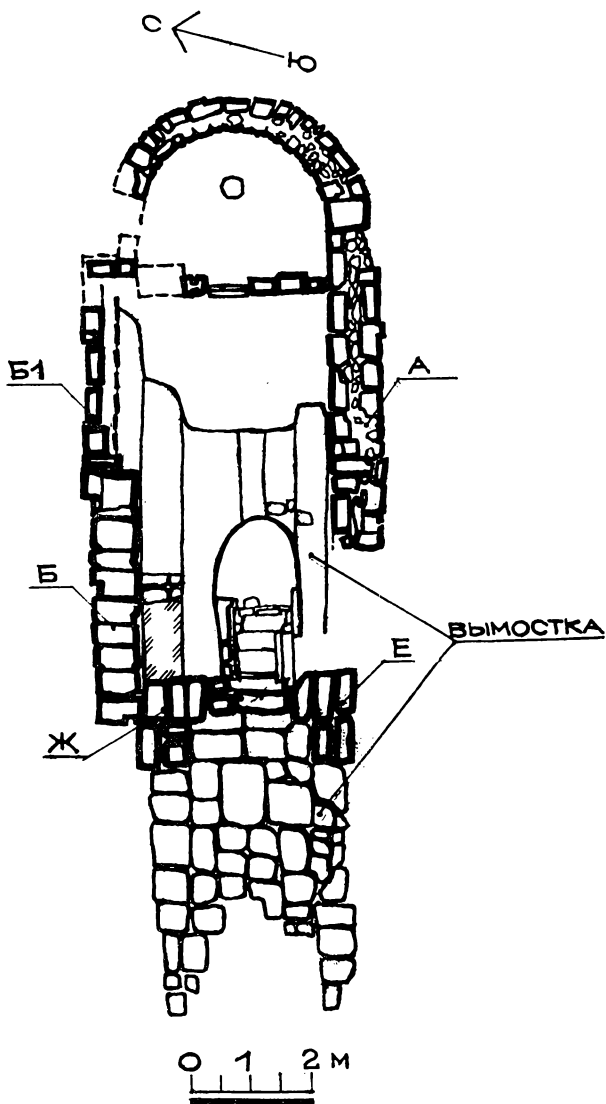

Рис. 5. План одноапсидного храма

преграды прослежен проход шириной 0,68—0,7 м с порогом из каменного блока ($0,63 \times 0,14 \times 0,14$ м). В алтарной части в 0,6 м от апсиды находился вкопанный на 0,3 м четырехугольный с подтесанными ребрами столб ($0,62 \times 0,3 \times 0,28$ м) с расширяющейся нижней частью. В 0,35 м от основания столба на обращенной к апсиде стороне имелся паз ($0,1 \times 0,03 \times 0,05$ м). Верхняя часть столба сильно оббита, однако на ней удалось просле-

дить следы круга. Столб служил для установки алтарного столика, жертвенная плита от которого была найдена в склепе.

Стена А шириной 0,85—0,9 м сложена в той же технике кладки, что и апсида, но из более крупных камней. Ее длина от апсиды 5,5 м, высота — 0,42 м. В кладке для выравнивания рядов использовались обломки черепицы и амфор, причем фрагменты амфор довольно широкого диапазона — от поздней античности до XII—XIII вв. Западный конец стены не сохранился. Возможно, он был уничтожен при предпринятой в недавнее время попытке расчистки этого участка от кустарника под пашню. На справедливость этого предположения указывают следы зубьев на стене Е и развал крупных блоков на юго-западном участке раскопа (необходимо отметить, что скрепляющий поздние стены известковый раствор был не очень хорошего качества). Вероятно, по этой же причине не сохранилась стена Б-1, от которой осталось только четыре блока наружного панциря и два блока около алтарной преграды. Судя по этим остаткам, можно предположить, что стена Б-1 закрывала уступ в месте сочленения стен Б, В и И, перекрывала южную часть стены И, а частично была поставлена на вымостку для выведения единой горизонтали со стеной Б, для чего выступающие над вымосткой остатки стены И были сколоты почти до уровня вымостки. Очевидно, еще перед возведением стен уровень пола в храме был поднят на высоту верхнего ряда обкладки колодца, ведущего в склеп, и вымощен известняковыми плитами толщиной 4—5 см.

Стратиграфическая ситуация, выявленная при раскопках, выглядит следующим образом: 1-й слой — дерновый, общий для всего раскопанного участка. Мощность его от 0,4 м уменьшается к западу до 0,05 м. В северном нефе крестообразного храма дерновый слой перекрывает каменный завал с рыхлым заполнением мощностью до 0,65 м, образовавшийся при строительстве и разрушении позднего храма. Четко выраженной нивелировки участка при строительстве этого храма прослежено не было, а наличие открытых развалин возле функционирующего храма маловероятно. 2-й слой в нефе подстилался плотной прослойкой в 0,12—0,2 м, прослеженной на сохранившихся участках вымостки.

Аналогичная прослойка была выявлена и на вымостке перед входом в наос. Эти прослойки, вероятно, образовались в период разборки раннего храма и сооружения позднего.

В наосе 2-й слой мощностью 0,45—0,5 м также представлял собой каменный завал с рыхлым заполнением, но образовавшийся уже при гибели позднего храма. 2-й слой подстилался прослойкой золы и угля в 0,03—0,1 м, прослеженной как в самом наосе, так и в поздней алтарной части.

На некрополе к западу и северу от крестообразного храма выявлены еще три слоя. Здесь подошва 2-го слоя соответство-

вала времени функционирования позднего храма. 3-й слой мощностью 0,2—0,1 м образовался во время существования раннего храма, и его подошвой явилась древняя дневная поверхность. Следует отметить, что блоки фундамента раннего храма были тщательно подтесаны только до уровня этой подошвы. Рыхлая засыпь 4-го слоя — нивелировочная подсыпка мощностью 0,04—0,45 м, образовавшаяся при строительстве крестообразного храма, а аналогичная засыпь 5-го слоя мощностью 0,05—0,2 м появилась при нивелировке участка до начала строительства. Причем по цвету засыпь последних двух слоев не отличается от более плотного материка.

Как уже отмечалось, поздний храм погиб в пожаре. Необходимо обратить внимание на одну любопытную деталь: при раскопках позднего храма не было найдено ни одного элемента христианской символики (за исключением крестов, выбитых на каменных блоках). Создается впечатление, что после того, как храм сгорел, оставшиеся в живых местные жители вернулись на пожарище, выбрали наиболее ценные священные вещи, а жертвенную плиту от алтарного столика опустили в склеп и забили колодец, ведущий в него, обломками архитектурных деталей для последующего использования.

Некрополь

Около храмового комплекса выявлен обширный христианский некрополь. Всего открыто 67 погребений четырех типов⁴³ (рис. 1; табл. 1, 2). К первому, наиболее раннему, относятся погребения в гробницах. Гробницы вырублены в материке и чаще всего перекрывались необработанными плитами из известняка или песчаника, только в одном случае (№ 63) зафиксировано вторичное использование каменных блоков с зигзагообразным орнаментом (рис. 6-1—3). Большинство гробниц многоразового использования. В гробницах 11, 15, 51, 55 было по три погребен-

Таблица 1

Распределение погребенных по полу и возрасту⁴⁴

Возраст	Типы погребений												Итого
	Грунтовые			Плитовые			В гробах			В гробницах			
	м	ж	н/о	м	ж	н/о	м	ж	н/о	м	ж	н/о	
12—30	5	3		1	1			1		2			13
30—50		2					2			5	3		12
Свыше 50	1						3	2		2	1		9
Н/о	1		1			1	1		5	1	1	10	22
Дети		16		5			8				1		30

Таблица 2

Распределение погребений по слоям и типам погребальных сооружений

Слой	Грунтовые	Плитовые	В гробах	В гробницах	Итого
2-й	3, 5, 6, 21, 22, 23, 24, 25	10, 13			10
3-й	12, 14, 16, 26, 31, 32*, 35, 36, 37, 39, 40, 42*, 43, 46, 48	20, 33, 38, 41, 47	4, 9		22
4-й	56, 57		17, 18, 19а, 27, 28, 29, 30, 44, 60	11, 15, 45, 51, 63*, 64*, 65	18
5-й			7, 8, 50, 52, 53, 54	19, 49, 55, 58, 59*	11
В храме	34, 61, 66		1, 2, 62		6
Итого	28	7	20	12	67

* Погребения с личными вещами

ных, в 45, 63 — по два, в 49, 64, 65 — по одному и в 59 — пять погребенных⁴⁵. Ко второму типу относятся 19 погребений в гробах. При очень плохой в целом сохранности дерева на Бакле удалось проследить, что гробы не имели дна, т. е. погребаемых укладывали на грунт и закрывали деревянным ящиком.

Судя по стратиграфии, первые два типа погребений относятся ко времени функционирования раннего храма. Третий тип погребальных сооружений представлен семью плитовыми могилами. Это, как правило, детские погребения, обложенные и перекрытые тонкими известняковыми плитами. Больше всего встречено грунтовых погребений, без четко выраженных могильных ям, которые выделены в четвертый тип. Два последних типа погребений относятся ко времени функционирования позднего храма. Все погребения ориентированы головой на запад с небольшим отклонением, зависящим от времени года. Как правило они безинвентарные, личные вещи встречаются чрезвычайно редко. Среди них: проволочные и бронзовые сережки, уплощенный бронзовый перстень, пуговицы-бубенчики и одиночные стеклянные бусины (табл. 1, 2).

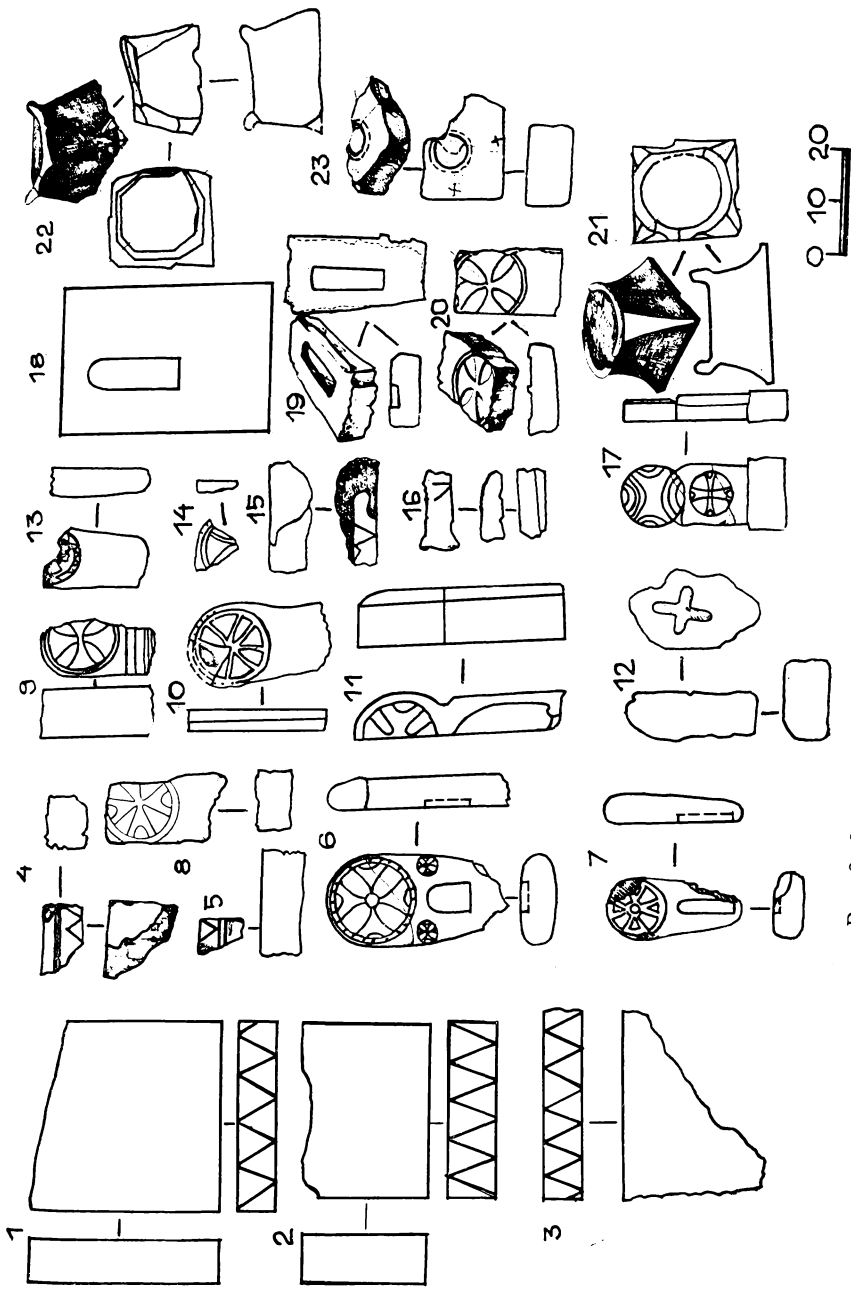

Рис. 6. Фрагменты архитектурных деталей

Находки из слоя разрушения. Наиболее массовыми находками в слое разрушения были остатки черепичной кровли. За три полевых сезона было обнаружено 6533 фрагмента керамид и 2019 фрагментов калиптеров, многие из которых имели рельефные водосливные валики высотой 0,4—0,7 см. На 89 фрагментах (преимущественно керамид) встречены ремесленные знаки, из которых большая часть в виде рельефной буквы Г (рис. 7). К строительной керамике относится плинфа, которой найдено 1270 фрагментов. Подавляющая масса фрагментов плинфы была

Рис. 7. Метки на черепице

обнаружена на вымостке перед входом в храм, где было найдено и большое количество известкового раствора, которым она скреплялась. Причем раствор толстым слоем (2—3 см) покрывал внешнюю поверхность сооружения из плинфы. На гладкой лицевой поверхности этой штукатурки прослежен орнамент в виде полутора-двухсантиметровых линий, выполненных красной

краской. Следует отметить также находки фрагментов керамических труб (128 фрагментов) и тонкостенных (0,5—0,8 см) желобов радиусом 4—4,5 см с плотным черепком красного или коричневого цвета, в изломе которого прослеживается примесь песка. По форме желоба напоминают калиптеры.

Из других керамических изделий следует выделить широко распространенную в Крыму красноглиняную поливную керамику XII—XIV вв. и две корчаги, структура черепка которых напоминает пифосную. Одна из корчаг высотой 44,8 см и с диаметром дна 18 см имела две параллельные венчику ручки. На венчике, косо срезанном внутрь, имеется слив. На второй корчаге, высотой 37,5 см и с диаметром дна 17 см, одна из ручек также параллельна венчику, а вторая, от которой сохранились только следы, крепилась верхним краем к венчику. На одной корчаге на высоте 7 см от дна имеется подтеска, сделанная после обжига, а на другой — на той же высоте — четко выражена полоска прелости. Вероятно, обе корчаги, судя по месту нахождения их обломков, устанавливались у входа в храм на какой-то, может быть деревянной, подставке, в которой для устойчивости корчаг были сделаны трехсантиметровые углубления.

Детали архитектурного оформления храмового комплекса (146 экз.), сделанные преимущественно из мягких пород известняка, представлены: 1) фрагментами фриза с тщательно вырезанным растительным орнаментом (77 фрагментов) (рис. 4-1—

19; 21—33); 2) обломком капители с орнаментом в виде виноградных гроздей (рис. 4-20); 3) каменной купелью (обнаружена среди развала камней в наосе) (рис 3-7). Купель выдолблена в цельном камне (47×45×29 см), глубина ее 15,2 см. В закругленной нижней части имеются два паза, а также сквозное отверстие для стока воды; 4) двумя пирамидальной формы базами для колонн, сделанными из известняка (рис. 6-21—22). Одна из них, наиболее сохранившаяся, высотой 25 см с прямоугольным основанием 30,8×33,2 см. Верхняя часть круглая диаметром 24 см. Для установки колонны в верхней части вырезан бордюр толщиной 3,5 см; 5) фрагментами каменных надгробных стел (рис. 6-6—20), обнаруженных, в основном, на некрополе, только нижняя часть одной из них была обнаружена *in situ* у северо-западного угла наоса.

В большинстве своем стелы сделаны из тщательно обработанных блоков. Верхняя часть стел, как правило, закруглена, и в закругленной части имеется выполненный в выемчатой технике крест из циркульных перекрестий, вписанных в круг. Между концами креста известняк выбран на глубину от 0,2 до 0,7 см. Подобные стелы были найдены на Тепсене и в Партенитах⁴⁶. У одной из стел верхняя часть блока выполнена в виде стилизованной головы, которая украшена врезными концентрическими линиями, а вписанный в круг крест находится в центральной части. Фрагмент еще одной стелы выполнен в виде двух цилиндров диаметром 14 см, образующих крест. В торцовые части цилиндров вписаны кресты. Наряду с названными выше коллекцию архитектурных деталей составляют и другие фрагменты (рис. 5-1—6, 8—11; 6-4—5, 23).

Таким образом, исследование христианских памятников на Бакле позволяет наметить основные пути процесса христианизации в северо-восточном подрегионе Юго-Западного Крыма. Этот процесс, вероятно, начинается с VI в., о чем свидетельствуют данные раскопок Скалистинского могильника⁴⁷, и заканчивается к VIII в., когда строятся церковь-часовня, большой храм вне цитадели и малый храм в долине. В X—XI вв. идеологическое значение Баклы усиливается, о чем свидетельствует постройка в долине крестообразного храма с синтроном и престолом и «монастыря» в западной части городища, и сохраняется до гибели в XIII в. основной массы строительных сооружений⁴⁸.

Подводя итоги, следует отметить, что обилие христианских памятников на довольно небольшой территории Баклы характерно в Крыму только для поселений городского типа, являвшихся идеологическими и духовными центрами довольно широкой округи, к которому наряду с Херсонесом, Мангупом, бесспорно, можно отнести и исследуемый нами памятник. В регионе севернее р. Качи, т. е. в северной части Юго-Западного Крыма, подобное явление встречено впервые. Также впервые встречен в этом регионе и храм с синтроном, что позволяет говорить о Бакле

как о крупном религиозном центре, который если и не был резиденцией епископа, то уж наверняка постоянно посещался им и играл значительную роль в духовной жизни окрестных сельских поселений, являясь их идеологическим центром. Это особенно подчеркивается тем, что церковь с синтроном и престолом была обнаружена не на самом плато, а в прилегающей к нему долине. Так как Бакла находится довольно далеко от известных центров епархий — Херсонеса, Мангупа (или Эски-Кермена), Боспора и Судака, то она могла входить в сферу влияния только ближайшей епархии — Фулльской, которую, как уже отмечалось выше, мы вслед за нашими предшественниками определяем в северной части Юго-Западного Крыма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: **Айналов Д. В.** Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса. М., 1905.

² В последние годы были открыты новые, ранее неизвестные, христианские памятники в Бельбекской (см.: **Романчук А. И.** Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек.— В кн.: АДСВ. Свердловск, 1976, вып. 13, с. 9—26) и Качинской долинах (см.: статью **Мыца В. Л.** в настоящем сборнике), а также в юго-восточном подрегионе Крыма (**Баранов И. А.** Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма.— В кн.: Плиска — Преслав. София, 1982, т. 2, с. 70).

³ До сих пор продолжают доследования крупнейших христианских памятников Юго-Западного Крыма, таких как Эски-Кермен (см.: **Паршина Е. А.** Раскопки на городище Эски-Кермен.— В кн.: АО—1980. М., 1981, с. 297; **Она же.** Раскопки на городище Эски-Кермен.— В сб.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980, с. 173) и Мангупская базилика (см.: **Бармина Н. И., Шилюк Н. Ф.** Результаты исследований участков, прилегающих к Мангупской базилике.— В кн.: АО—1978. М., 1979, с. 298).

⁴ Довольно обширная литература приведена в работе **А. Л. Якобсона** (см.: **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. М.—Л., 1964, с. 151—169).

⁵ Житие святого Андрея Первозванного. Жития святых Российской церкви. (Месяц ноябрь). СПб., 1856, с. 407—470; **Васильевский В. Г.** Житие Иоанна Готского.— В кн.: Труды. СПб., 1912, т. 2, вып. 2, с. 365—366; **Кулаковский Ю. А.** Прошлое Тавриды. Киев, 1914, с. 50.

⁶ **Кеппен П. И.** Крымский сборник. СПб., 1837, с. 62; **Архиепископ Макарий (Булгаков).** История христианства в России до равноапостольского кн. Владимира. СПб., 1868, с. 48; **Бертье-Делагард А. Л.** Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма.— ЗООИД, 1888, № 14, с. 215—217; **Латышев В. В.** Жития святых епископов Херсонских. СПб., 1906; **Шестаков С. П.** Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908, с. 13; **Кулаковский Ю. А.** Прошлое Тавриды, с. 51; **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым, с. 12; **Он же.** Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63, с. 28—29; **Vasiliev A. A.** The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936, p. 6—10.

⁷ **Айналов Д. В.** Развалины храмов, с. 1—119; **Якобсон А. Л.** Ранне-средневековый Херсонес, с. 152—196; **Беляев С. А.** Вновь найденная ранне-византийская мозаика из Херсонеса.— ВВ, 1979, т. 40, с. 114—126.

⁸ **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес, с. 29.

⁹ **Бертье-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов в средневековой Таврике.— ИТУАК, 1920, № 57, с. 54—56, 58, 128; **Кропоткин В. В.** Из истории средневекового Крыма.— СА, 1958, № 28, с. 203.

¹⁰ **Бертъе-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов..., с. 50—65.

¹¹ **Vigne F.** Notices historique et topographique concernant les colonies Italiennes en Gazarie.—Memorizes des l'Acaddees Siences. Paris, 1894, t. 10, № 9; **Латышев В. В.** Сборник греческих надписей христианского времени из южной России. СПб, 1896, с. 48—50; **Кулаковский Ю. А.** К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в.—ЖМНП, 1898, № 2, с. 178; **Он же.** Прошлое Тавриды, с. 52; **Бертъе-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов..., с. 40, 59—65; **Васильев А. А.** Готы в Крыму.—ИРАИМК, 1921, вып. 1, с. 50—51; **Равдоникас В. И.** Пещерные города Крыма и готская проблема.—В кн.: Готский сборник—ИГАИМК, 1932, т. 12, вып. 1—8, с. 20; **Шмит Ф. И.** Эски-Керменская базилика.—ИГАИМК, 1932, т. 12, с. 243; **Веймарн Е. В.** Археологические исследования столицы княжества Феодоро.—В сб.: Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 125; **Баранов И. А.** О восстании Иоанна Готского.—В кн.: Феодальная Таврика, с. 156.

¹² Упоминания о Фуллах имеются у Менандра (см.: **Васильевский В. Г.** Житие Иоанна Готского, с. 386, примеч. 1), в житиях Иоанна Готского (см.: **Васильевский В. Г.** Житие Иоанна Готского, с. 394—400), Константина (Кирилла) Философа (**Лавров П. А.** Материалы по истории возникновения древней славянской письменности. Л., 1930, с. 25, 93—97; Сказание о начале славянской письменности. М., 1981, с. 85—86, 122) и в списках епархий (см.: **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес, с. 29).

¹³ **Бертъе-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов..., с. 66—67.

¹⁴ **Кулаковский Ю. А.** К истории Готской епархии, с. 173—202; **Он же.** Прошлое Тавриды, с. 70—71; **Васильевский В. Г.** Житие Стефана Сурожского. Пг., 1915, т. 3, с. 164—165; **Орбели Р. А.** Исследования и изыскания. М.—Л., 1947, с. 64; **Кропоткин В. В.** Из истории средневекового Крыма, с. 212; **Obolensky D.** The Byzantine Commonwealth Eastern Europe. 500—1453. London, 1971, p. 77, 177; **Баранов И. А.** Некоторые итоги изучения..., с. 70.

¹⁵ **Тунман.** Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936, с. 36, 86—87; **Бертъе-Делагард А. Л.** Исследование некоторых недоуменных вопросов..., с. 166; **Якобсон А. Л.** К вопросу о локализации средневекового города Фуллы.—СА, 1959, № 29—30, с. 108—113; **Веймарн Е. В.** О двух неясных вопросах средневековья в Юго-Западном Крыму.—В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, с. 75—77.

¹⁶ **Якобсон А. Л.** К вопросу о локализации..., с. 109.

¹⁷ **Веймарн Е. В.** О двух неясных вопросах..., с. 75—77.

¹⁸ **Якобсон А. Л.** Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики.—МИА, 1970, № 168, с. 103—110.

¹⁹ Литературу по исследованию Баклы см.: **Рудаков В. Е.** Бакла—малый городской центр Юго-Западного Крыма.—В кн.: Античный и средневековый город. Свердловск, 1981, с. 81—82.

²⁰ **Богуш-Сестреневич С.** История Таврии. СПб., 1806, т. 1, с. 34—35.

²¹ **Кеппен П. И.** Крымский сборник, с. 321.

²² **Марков Е. Л.** Пещерные города Крыма.—Вестн. Европы, 1872, т. 7, с. 202; **Маркевич А. И.** Экскурсия на гору Бакла и дер. Мангуш.—ИТУАК, 1889, № 8, с. 111.

²³ **Маркевич А. И.** Экскурсия на гору Бакла и дер. Мангуш, с. 112; **Волошинов И. М., Клепнин Н. Н.** Пещерное поселение Бакла в Крыму.—Зап. Крым. о-ва естествоиспытателей и любителей древностей, 1912, т. 2, с. 157—159.

²⁴ **Волошинов И. М., Клепнин Н. Н.** Пещерное поселение Бакла..., с. 158—159.

²⁵ **Маркелова С. П., Талис Д. Л., Рудаков В. Е.** Раскопки на Баклинском городище.—АО—1976. М., 1977, с. 330.

²⁶ Изучение различного вида строительных остатков на Бакле позволило сделать следующие наблюдения: в перекрытии двухэтажных бытовых помещений на посаде использовались преимущественно калиптеры, перекрывавшие, вероятно, только конек крыши, ибо сплошного черепичного развала в

слоях гибели зданий не прослежено. Даже усадьба владельца цитадели не имела сплошного черепичного покрытия. Для перекрытия одноэтажных сельских поселений черепица использовалась более интенсивно, однако и здесь преобладают калиптеры. При раскопках же христианских храмов наиболее массовым материалом является черепица, среди которой керамида значительно преобладает над калиптерами.

²⁷ Веймарн Е. В. Пещерные города Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.—СА, 1958, № 1, с. 75.

²⁸ Талис Д. Л. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища.—СА, 1968, № 2, с. 183—187.

²⁹ Только за один сезон на небольшом участке (12×12 м) было обнаружено «несколько тысяч обломков черепицы, в том числе с метками» (см.: Маркелова С. П., Талис Д. Л., Рудаков В. Е. Раскопки на Баклинском городище, с. 330).

³⁰ Талис Д. Л. Черепицы с метками..., с. 183; Маркелова С. П., Талис Д. Л., Рудаков В. Е. Раскопки на Баклинском городище, с. 330.

³¹ Талис Д. Л., Рудаков В. Е., Маркелова С. П. Археологические работы в Юго-Западном Крыму.—АО—1971. М., 1972, с. 370.

³² Две каменные гробницы-усыпальницы VIII—IX вв. и три грунтовых погребения X—XIII вв.

³³ Зубарь В. М., Рыжов С. Г. Раскопки некрополя Херсонеса.—АО—1975. М., 1976, с. 328; Рудаков В. Е., Ложкина Е. В. Исследование средневековых памятников в районе Баклинского городища.—АО—1976. М., 1977, с. 363; Рудаков В. Е. Разведки раннесредневековых поселений в междуречье Альмы и Бодрака.—АО—1977. М., 1978, с. 380; Романчук А. И. Об этнической принадлежности некоторых памятников Юго-Западного Крыма.—В кн.: Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1983.

³⁴ Склеп (3,25×2,10 м) был сооружен в вырытой в материке яме и имел сводчатое перекрытие. Свод был сложен из мергелевых блоков насухо. Блоки тщательно обрабатывались и подгонялись в соответствии с тем местом, которое они занимали в своде. Полусфера свода, начинающаяся со второго ряда кладки, опиралась на торцовые (восточную и западную) стены. Вход в склеп шириной 1,1 м был с востока и к моменту раскопок оказался открытым. Дромоса проследить не удалось. В центре склепа находилась вырубленная в скале гробница (1,27×1,22×1,12×1,3 м), возможно, имевшая каменное перекрытие. Уточнить датировку памятника не удалось, так как грабители, как минимум дважды посещавшие склеп, вынесли из гробницы не только вещи, но и останки погребенного. Однако, по конструктивным особенностям он тесно примыкает к подобным сооружениям первых веков нашей эры, хорошо известным в Северном Причерноморье (см.: Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952—1953 гг.—МИА, 1962, № 103, с. 78—83). Стронтели храма, вероятно, не знали о существовании этого сооружения. Когда храм был построен и покрыт черепицей, свод склепа, устойчивость которого была нарушена грабителями, рухнул, причем при обвале погибло двое строителей. Однако, судя по стратиграфии засыпи в склепе и довольно большому количеству погребений в храме, он был восстановлен и какой-то период функционировал. Описанная выше ситуация позволяет говорить о сохранении единого культового центра от античности до средневековья.

³⁵ Вещи эти хорошо известны по памятникам салтово-маяцкой культуры (см.: Плетнева С. А. От кочевий к городам.—МИА, 1967, № 142, с. 137—138, 141, 163).

³⁶ Кротошкин В. В. Из истории средневекового Крыма, с. 206, рис. 2, 4.

³⁷ Рудаков В. Е. Баклинский средневековый склеп с граффити.—В кн.: Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980, с. 121—128.

³⁸ Мы сохраняем нумерацию стен, использованную в наших отчетах за 1979—1980 гг.

³⁹ Большая часть камней с фресками (всего 15) была обнаружена в наосе у входа в храм. Сохранность фрески очень плохая (261 мелкий фрагмент) и более подробной интерпретации не поддается. Можно отметить

только, что преобладали красный, синий, желтый и оранжевый цвета, белые полосы по красному и синему полю и сохранились две буквы «А», написанные белой краской.

⁴⁰ Приносим большую благодарность А. В. Банк, А. Л. Якобсону и Л. Г. Хрушковой за консультацию по датировке фриза.

⁴¹ **Полевой В. М.** Искусство Греции. Средние века. М., 1973, с. 158; **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес, с. 214.

⁴² **Айналов Д. В.** Развалины храмов..., с. 137—139; **Якобсон А. Л.** Средневековый Херсонес.—МИА, 1950, № 17, с. 244—246; **Ramsay W. M., Bell G. L.** The Thousand and one Churches. Nodder and Stovghton. London, 1909, p. 116, 117, 268, 271—273.

⁴³ Погребения № 17—19 были потревожены грабительской ямой.

⁴⁴ Определение пола и возраста в тех случаях, когда позволяла сохранность костяка, проводилась по методике В. П. Алексеева (см.: **Алексеев В. П.** Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966).

⁴⁵ В гробнице № 58 погребения обнаружено не было.

⁴⁶ **Бабенчиков В. П.** Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепень.—В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма, с. 116, рис. 14.

⁴⁷ Как отмечает исследователь этого могильника Е. В. Веймарн, христианская символика в украшениях появляется в VI в., но языческий обряд захоронения сохраняется и в VIII в.—См.: **Веймарн Е. В.** Рядом с Византийским Херсонесом.—В кн.: Дорогой тысячелетий. Киев, 1966, с. 91.

⁴⁸ **Рудаков В. Е.** Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища.—АДСВ. Свердловск, 1975, вып. 12, с. 22—23.

В. Л. МЫЦ

Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР

ЗАГОРОДНЫЙ ХРАМ И НЕКРОПОЛЬ МАНГУПА

Важность изучения Мангупа (Феодоро) для понимания истории средневековой Таврики в целом уже неоднократно отмечалась в литературе¹. В результате проведенных на городище и в его окрестностях раскопок, начало которым было положено работами А. С. Уварова в 1853 г.², накоплен большой фактологический материал, требующий обобщения³. Но многовековая история Мангупа (особенно на ранних этапах) пока не ясна во всей своей конкретности⁴. Поэтому до настоящего времени является актуальным продолжение изучения отдельных вопросов истории города, в том числе и вопроса о проникновении и укреплении христианской религии в среде местного населения.

Внимание ученых, изучавших Мангуп, в первую очередь привлекали (наряду с хорошо сохранившимися здесь оборонительными сооружениями) руины культовых зданий. И это не случайно: при узости базы письменных источников, с чем постоянно сталкиваются исследователи средневекового Крыма, особое значение приобретают археологические раскопки, дающие иногда единственный материал по истории христианства в Крыму.

Активно проводимая Византией пропаганда и насаждение христианства вызвали необходимость строительства значитель-